

K 1506879

Юрий Максим

Стихотворения
и поэма

ПОЗДНИЙ ЗЕФЕУС

Всем, кто верен себе...

Юрий Максим

ПОЗДНИЕ ЗЁРНА

*Стихотворения
и поэма*

16+

К 1506879

Вологда
«Полиграф-Периодика»
2018

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

+ кр + ктн

84

84(2:411.2)6-5

УДК 821.161.1(470.12)-1

ББК 84(2Рос-4Вол)6-5

М17

Печатается в авторской редакции

Художник

Эдуард Фролов

Максин Ю.М.

М17 Поздние зёрна: стихотворения и поэма / Юрий
Максин; [худ. Э. Фролов].— Вологда: Полиграф-Пе-
риодика, 2018.— 131 с.: ил.— 16+

ISBN 978-5-91965-170-3

В книгу «Поздние зёрна» вошли новые стихотворения и поэма известного вологодского поэта Юрия Максина.

Автор — член Союза писателей России, победитель ряда литературных конкурсов. Его стихи публиковались во многих центральных и региональных изданиях.

УДК 821.161.1(470.12)-1

ББК 84(2Рос-4Вол)6-5

ISBN 978-5-91965-170-3

© Максин Ю.М., 2018

© Фролов Э.В., 2018

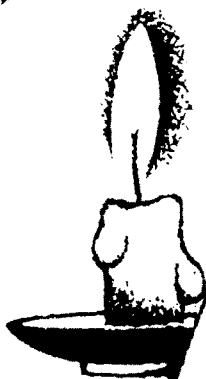
© Оформление. ООО ПФ

«Полиграф-Периодика», 2018

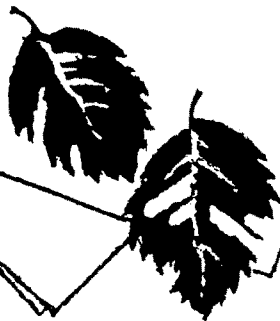
СТИХОТВОРЕНИЯ

Туда, где за строками
светлые даты,
забытые раны...

Ю. Макарян

* * *

По букве, по слову, по строчке,
моя в том вина,
на нежном судьбы лепесточке
кровлю письма.

Потом лепесток обрываю,
пускаю в полёт.
И он навсегда улетает,
не скоро падёт.

И всё же опустится, зная
и место, и срок.
Как будто не я посылаю
в полёт лепесток.

Меня не выпускает дождь
из клетки под названием дом.
Но вижу я, как ты идёшь
по лужам за окном.

Идёшь дорожкой средь полей,
по тропке средь кустов,
по берегу ушедших дней
напротив островов.

И мочит дождь одежды ткань
и волосы твои,
и клён протягивает длань —
подай или возьми.

Куда идёшь, зачем идёшь,
покинув тёплый кров?
По крыше барабанит дождь,
как тысячи шагов.

* * *

Мир — загадочный и странный,
словно чайник деревянный.

Ладно скроен, крепко сбит,
до краёв водой налит.

Только, вот беда какая —
на огне он прогорает.

Но пока не прогорит,
чаем будущим манит.

Мы ведём себя, как дети,
на обугленной планете.

И никто не скажет: стоп,
был уже один потоп...

Людям стало мало слов привычных.
Может, жизнь по-своему права.
Если слушать речь косноязычных,
то услышишь новые слова.

Группа зэков ботает по фене,
виртуозно цвиркая слюной.
Это без беды, когда на сцене,
а вблизи — соседствует с бедой.

Мало проку в этой странной речи,
в этом обеднённом языке.
Обезьяний образ человеческий
проступает в жесте и кивке.

Молча отрок дребезжит на «клаве»
смысл короткий аббревиатур.
Невдомёк, что мозг оскудевает
под гипнозом сетевых культур.

Вот и домычали, додолбили
по мозгам на новом языке.
И уже полмира утопили
в виртуальной интерНЕТ-реке.

А дом остыл, нагретый жаром лета,
как будто дух покинул остов стен.
Холодный блеск стареющего света,
как блеск судьбы низринутых систем.

За ними — путь, за ними — пропасть рая,
сгоревшего, остывшего дотла.
Но рядом шла позёмкой жизнь другая,
без радостного света и тепла.

И, много лет живя в анабиозе,
очнётся вдруг, невзгоды переждя.
И не в стихах, а в самой грубой прозе
взметнёт наверх и бурю, и вождя.

И будет бунт — холодный, беспощадный,
и нежные осыплются цветы.
И будет путь кому-то безотрадный,
и по нему пойдём и я, и ты.

Другая жизнь себя ещё покажет,
когда возьмёт чужое, как своё.
И не пытайся возратить пропажу,
когда начнётся инобытие.

Куда спешишь ты, муравей?
Зачем тебе спешить?
Твой муравейник много дней
как приказал всем жить.

Ни дома нету, ни угла
в большом-большом лесу,
и жизнь твоя почти прошла,
и крики не спасут.

Ты никому не нужен стал.
Куда же ты спешишь?
Наверно, ждёт тебя вокзал,
Мадрид или Париж?

А вот Москва совсем не ждёт,
совсем не нужен ей,
такой там лузер не живёт.
В ней нет твоих друзей.

Куда спешить, зачем спешить,
нет дома, нет угла...
Не лучше ль шею положить
на лезвие стекла?

Как много битого стекла
в глуши лесных дорог!
Зачем спешить, коль жизнь ушла?
Вот Бог, а вот — порог...

РУССКИЕ ЗЁРНА

Наша жизнь — это трактор, где вынут мотор.
Землю пашем мы белыми крыльями.
И шумит на просторах земных разговор,
что исходим пустыми усилиями.

Но взошла на крутом берегу лебеда —
в ней полно отрицанья прогресса.
В наших жилах пульсирует кровь — не вода,
и не водится лишнего веса.

А ещё тот дурман, что накрыл города
с их покорной *тельцу* головою,
не оставит от пышущих смрадом следа,
всё с годами сровняет с землёю...

Защепечет душа золотым голоском
под задумчивый наигрыш лирный:
наша жизнь — это поле с одним колоском,
что остался от жатвы всемирной.

Не задушит его одиночества спрут,
не засушат навек суховеи.
Его зёрна в родимую землю падут
и опять прорастут, и созреют.

ЛОША

Александру Кошелеву

В деревню Лошу по грибы
собрался я однажды.
В ней сохранились три избы
и столько же отважных.

Не застит им глаза уют,
комфорт — дитя прогресса.
Три дыма в небеса идут
из сумрачного леса.

Давно сровнялись здесь
с землёй
следы страны Советов,
быльём зарос колхозный строй,
ну, а другого — нету.

Струится вольная вода
лесной речушки Лоши.
Она чиста, светла всегда,
как человек хороший.

И воздух первозданно чист,
так свойственно природе.
И только осень сыплет лист,
когда пора приходит.

Сюда дорога непроста —
с остатком старой гати.
Без твоекратного креста
не стоит ног ломати.

Со мной корзина и пакет,
и мысли об удаче.
Со мною грустных мыслей нет,
вот после — озадачат.

В тиши заброшенных полей,
заросших деревьями,
за всё воздал мне Берендей
чудесными грибами.

Согнула ноша плечи мне,
но ведь своя не тянет...
В забытой этой стороне
вдруг что-то больно ранит.

Несут свой крест три мужика,
уйдя от всех навеки.
А жизнь лесная нелегка,
не звери — человеки.

Здесь летом — комариный рай.
Зима — заносит тропы.
И не заманит древний край
пришельцев из Европы.

Наверно, надо было так,
за всё — своя награда.
Коль жизнь, как ломаный пятак, —
её чужим не надо.

Чтоб образумить грешных нас
в смертельном хороводе,
деревня Лоша про запас
ещё живёт в народе...

* * *

Окна светят отражённым светом.
Дом просторный отчего-то пуст.
Не живут в нём ни зимой, ни летом.
Здесь живой — один рябины куст.

Строили и думали, что дети
будут благодарны за жильё.
Только дом не греет и не светит.
Его долго строило... жульё.

Снился мне Император,
снилась Церковь золотая,
как въезжал триумфатор
в кущи русского рая.

Всюду радость на лицах,
вверх детей поднимают.
Всех заставил смириться,
кто на Русь посягает.

Запах тёплого хлеба
веет в первопрестольной.
Словно дождичек с неба,
льётся звон колокольный...

Ну откуда, ответьте,
сны такие приходят?
Это эхо бессмертья
реет в русском народе...

ЮРИЙ МАКСИН • Поздние зёрна

1506819

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

* * *

Закрою кингстоны в душе,
иначе не справиться с грузом.
Нет рая в моём шалаше,
вот разве с пригревшейся музой.

Она пела в царских дворах,
ей с радостью рукоплескали,
она утопала в цветах,
как памятник на пьедестале.

И вот — пустота и шалаш.
Всё зыбко, зима на пороге.
И, как говорится, шабаш,
конец, то есть. С мыслью о Боге.

Струится естественный свет
в остатках бывшего Союза.
Здесь тихо, но радости нет.
И плачет державная муза.

ПОЦЕЛУЙ НА МОРОЗЕ

Жизнь увязнет в размашистой прозе,
станешь сивые бредни читать...
«Русь, ты вся — поцелуй на морозе!» —
это Хлебников. Что тут сказать!

Не сыскать среди вязкого быта
вот такие — из чуда слова.
Они в кузнице сердца отлиты,
и хмелеет от них голова.

Так иди в соловьиные трели,
перейди не один Рубикон.
Пусть до пят пробирают метели.
Пусть до слёз добирается стон.

И тогда драгоценные строки
пыхнут искрами в холоде дня.
Снегирями затеплятся щёки,
поцелуй на морозе храня.

Эдуарду Фролову

Остались на свете поэт да художник.
А все остальные ушли
за грани разнузданных дел всевозможных,
за край горизонта Земли.

Поэт — Божья дудка, поёт словно птаха,
выводит коленца из слов.
Художник Лик Божий рождает из праха,
из вечных искусства основ.

И нету у сердца иного заказа,
других всевозможных забот.
Живут на Великой Руси богомазы.
И Божия дудка — поёт.

* * *

- Что такое Интернет?
 - Место, где талантов нет.
 - Говорят, что их там тьма.
 - С этой тьмой сойдёшь с ума.
- Выходи на Божий свет,
в Интернете Бога — нет!

ЮРИЙ МАКСИН • Поздние зёрна

* * *

Из грязи не стоит карабкаться в князи,
там та ещё липкая грязь.

Не стоит платить за мобильные связи,
есть более стойкая связь.

ДВЕ СУДЬБЫ

У портрета Рубцова*
молча ждал Цыганова.
Улыбался Рубцов,
дескать, жди:
Цыганов — парень хитрый,
и к нему без молитвы,
без строки колоритной
лучше не подходи.

Не дождался я Саши,
не сварил с Сашей каши,
но зато оказался
в вологодской пивной.
Там в углу в одиночку
пел рубцовские строчки
и листал цыгановский
«Вологодский конвой».

ЮРИЙ МАКСИН • Поздние зёрна

* Портрет расположен на стене музея «Две судьбы». В этом же здании находится и Вологодская писательская организация.

ВОСАДУЛИ

Посадил я восадули.
Восадули не взошли.
То ли с зёрнами надули,
то ли зёрна — унесли.

Восадулей больше нету.
Были — сплыли. Вот беда!
Много солнечного света,
и в колодце — синь-вода.

Только нету восадулей.
Было то — не знаю что.
Осень. Бабочки заснули,
да и старый конь — в пальто.

Дни летят — за пулей пуля,
жду чего-то, хоть убей.
Мне не надо чёрта в стуле.
Восадули мне — любей.

МОЛОТОК

Александр Ключарёву

Я целыми днями общаюсь с друзьями:
со стуслом*, ножовкой, гвоздями.
Но главный мой друг — молоток!

Мне радостно знать, что мансарду, веранду,
как дятел ручной, он ваял неустанно.
Он всё обустроить помог.

Сюда соберутся иные друзья.
Я думал о них —
не ушедших в князья.

Когда переступят жилища порог,
«О,— скажут,— волшебный здесь бил молоток!»

Да, швец он и жнец, и на досках игрец.
Его мне в наследство оставил
отец.

ЮРИЙ МАКСИН • Поздние зёрна

* *Стусло* – плотницкий инструмент для пилки доски на угол 45 градусов.

НА ОГОРОДЕ

Полив, травища, сорняки...
Как не воздать за всё погоде!
И были б помыслы легки,
да где ж их взять на огороде?!

И всё же первый огурец
и аромат клубники спелой —
как производные сердец,
земли, воды и рук умелых.

А что до слов, то речь бывала
похожа на рычанье льва,
когда литр крови отнимала
кровососушая братва.

И не самцы вонзали хобот,
а самки, так их перетак.
Но я копал, косил, как робот,
и делал всё «за просто так».

Но всё же, первая картошка,
томатов вызревшая гроздь
и ягод полное лукошко
на комаров снимали злость.

Кусайте, коли вам не страшно,
гнобите трудовой народ.
В борьбе за свёклу, рукопашной,
ваш срок и наш урок пройдёт.

Ничто не вызреет заранее,
и нам ли этого не знать.
Вы сгинете, а мы, крестьяне,
продолжим огород копать.

К Пасхе яйца дорожают,
к маю — огурцы.
Так вот нас и обирают
разные купцы.

Насажу на огороде
лука, огурцов...
Развели, как тлю, в народе
долбанных купцов.

В их карманах оседают
все его рубли.
Я простое средство знаю
от различной тли.

Наращу своей кормёжки,
с агрономом схож.
Тле повыдергаю ножки,
спекулянтам тож.

Всё своё — компост, лопата
и ещё топор.
Так изводят супостатов
с самых давних пор.

Последний день макушки лета
откроет дверцу в лета край...
И жгучие потоки света
прошепчут в августе: прощай.

Зной растворится, но не сразу
в прохладе северных широт.
И в августе, как по заказу,
на душу мудрость снизойдёт.

Как зрелый плод приятен взору,
так мне приятна красота
неторопливых разговоров,
что год удачен неспроста.

Что в бренном мире, кроме склоки
междоусобной, битв и бурь,
поэты сотворяют строки
пером, обмакнутым в лазурь.

И пчёлы наполняют соты
нектарами последних трав,
и от забот, и от работы
не замерев и не устав...

Я говорю сегодня солнцу,
да и тебе о том же речь,
что есть ещё на самом донце,
что надо попросту беречь.

За спелый август, за прохладу,
за небо, полное огней,
за то, что лишнего не надо,
лучистым взглядом обогрей.

Затеплим свечку, затопим печку,
блеснёт слезинка на бороде.
Ведёрко — в речку, пойдут колечки,
судьбы колечки в живой воде.

Давно у сада сгнила ограда,
шагнула вишня в сосновый бор.
Давно не надо, чего не надо,
и даже вишне — давай простор!

На пне опята, в траве маслята,
и весь в чернике забытый лес.
И торовато, и сыровато,
и птички свищут: долой прогресс!

Нас злое время дубасит в темя
и застилает душе простор.
Пока не в теме, идёшь со всеми,
до этих самых счастливых пор.

Душе не надо иной награды,
за всё награда — в твоих глазах.
Тропинка сада нам будет рада,
когда вернёмся под образа.

Приснилась запредельная кромешность,
где не светила ни одна звезда.
Вся в проводах — невидимая местность,
и всё — под напряжением труда.

Гудели трансформаторы, но лампы
повыключали, экономя труд.
Лишь надписи маячили о главном:
«Не подходи, а то тебя убьют!»

И я скользил, как тень, под проводами,
на размышленья не имея сил.
А мимо — рельсы, и по рельсам знамя
незримый поезд в вечность уносил.

Я опоздал иль соскочил — не знаю,
и было страшно оттого, что — тьма.
И я завыл от края и до края,
совсем забыв заветные слова.

Гудело всё. Душа зияла бездной,
в себя маня сорваться навсегда.
И я шагнул в кромешную окрестность,
замкнув собой пути и провода.

Шёл ток по мне, душа моя светилась —
земная, неизвестная звезда...
А он всё мчался, ну скажи на милость,
который не примчится никуда.

Здесь ощущение прежних лет
рождает в памяти химеры.
Есть одиночество без меры,
но от него покоя — нет.

Здесь не звучит весёлый смех,
душа ему была бы рада.
И, как остатки прежних вех,
деревья есть, но нету сада.

На жёстком времени ветру
есть ощущение, не скрою,—
всё уготовано костру.
Идёт война, но нету боя...

ЛЕНИН

У Ленина галстук в горошек,
у Ленина кепка в руке,
пиджак его крепко поношен,
он всюду живёт налегке.

Но вот он въезжает в столицу,
ликует Финляндский вокзал.
И надо ж такому случиться,
что с поезда — сразу на бал.

На бал революции, в массы —
конец эмигрантской тоске.
Он — вождь пролетарского класса,
не зря он — на броневике.

У Ленина галстук в горошек,
распахнуто солнцу пальто...
Зачем он в Россию заброшен —
об этом не ведал никто.

СТАКАН ВРЕМЕНИ

Когда седому ветерану
наполнят времени стакан,
где растворились жизни раны —
их много было тяжких ран! —

он запоёт или заплачет,
глотнув воспоминаний всласть,
и пульс в крови его заскачет
туда,
где мог навек пропасть.

Враги сожгут родную хату.
Друзья придут к плечу плечо,
они не деньгами богаты,
и в сердце станет горячо.

Не тормозите ветерана,
уважьте блеск его седин.
Он пьёт из русского стакана,
пьёт не вино, и пьёт один.

За поражения, за победы,
за грешных, непутёвых нас,
за то, что никогда не предал
рабочий класс.
Рабочий
класс!

ЮРИЙ МАКСИН • Поздние зёрна

Есть величие духа народа,
в каждом символе сила видна.
Стольный город рождала не мода,
не за моду сражалась страна.

Может, что-то я не понимаю,
зря нелепое сердце болит.
Потихоньку Москву подменяют,
наводя ослепляющий вид.

Скоро к ней не отыщется брода,
не сыскать его в море огней.
Заменяла чужая свобода
неподкупный набат площадей.

По Кремлю иноземцы гуляют.
Всякий раз сообщает им гид,
что Царь-пушка вообще не стреляет,
что Царь-колокол не прозвенит...

* * *

Докаркались вороны: «Кар!» да «Кар!» —
был Усть-Сысольск, стал город Сыктывкар.

Когда с Болотной слышу: «Ква!» да «Ква!»,
всё — под контролем. Это же — Москва!

А полк Бессмертный был бы горд и рад
услышать снова: «Город Сталинград».

ЮРИЙ МАКСИН • Поздние зёрна

И вольно,
и больно.
Здесь многие годы
вперёд не идут.
Ушли и заводы,
и люди, и труд.
А в первопрестольной
не сеют, не пашут,
играют и пляшут,
и песни поют.

И перед парадом
не дрогнет рука
пальнуть в облака,
чтоб не над столицей
осыпались градом.
И незачем будет виниться
с расстроенным взглядом.
Ведь праздник резвится!

А Тверь или Нижний
и вся заземлённая рать
глядеть будут в небо и ждать,
когда же столица
отвеселится.
Ведь время картошку сажать!

Ведь градом разбило парник.
И старый,
задумчивый книжник
к таблицам погоды приник,
ну, прямо, как Горький,
и ищет:
где ж ясные зорьки,
и как бы столице,
где небо огнями искрится,
небесный,
в отместку,
почище
устроить кирдык.

ЯМА

Свесив усталые ноги,
главный дорожник сидел.
В яму по центру дороги
взор свой уставив, кряхтел:

«Что-то глубокая слишком
яма, откуда взялась?»
А шевельнул бы умишком
и обнаружил бы связь.

Кто-то с большим перегрузом
лес без зазрения пёр,
или без груза, но юзом
дырку в асфальте протёр.

Ну, и пошло, покатилося,
день ото дня всё сильнее.
Но не сама углубилась,
а по причине людей.

Всё человеческий фактор
да человечья корысть
губят дороги, как трактор,
губят текущую жизнь.

Эта «дорожная карта»
нас до добра не дове...
Не соблюдались стандарты,
прежде всего, в голове.

Строили, но не спешили.
Лохов ловили на понт.
Новую фишку открыли —
ямочный делать ремонт.

Сколько закопано денег,
сколько зарыто труда!
Ну, а без денег — худенек,
и не туда, не сюда...

Что-то глубокая слишком
яма. Откуда взялась?
А пораскинешь умишком,
и обнаружится связь.

Нету того и другого,
яма кипит от дождя.
Вот оживить бы второго,
не Николая, вождя.

Глянет хозяйственным взором,
определит горизонт.
И позабудется скоро
ямочный этот ремонт.

Тебя побьют камнями молодые,
когда напомним о другой стране.
Оболганы советские святые,
жизнь положившие за други на войне.

За Родину! Куда она исчезла?
Ушла навеки в души стариков.
Откуда столько нечисти налезло
под наш
гостеприимный
русский кров?

Плодится тьма на Божьем белом свете,
свой чёрный меч опробовал палач.
По всей Руси разносит чёрный ветер
заросших пашен материнский плач.

Всё ближе неизбежная расплата.
На сердце камнем налегла вина.
И лишь земля ни в чём не виновата.
И грешная, конечно, не она...

* * *

В осень летит пассажирский вагон,
радость общенья хочу разделить я.
Только у всех собеседник — смартфон,
и не глядят из вагонных окон,
как облетают последние листья.

Гаджеты в душах соседей моих —
сверхсовременное средство общенья.
И разговор по душам не возник.
В осень летел одинокий старик,
глядя на душ неживое свечение.

* * *

Судьбой измятая старушка
проковыляла до угла.
Так жизни свёрнутая стружка
ещё свисает со стола.

А на углу она стояла,
смотрела проходящим вслед,
как будто бы у них искала
ушедшего манящий свет.

Как будто бы она прощалась,
молитву вечную творя.
И для креста рука поднялась,
как свечка ярая горя.

Она крестилась и крестила,
как будто закрывала дверь.
Как будто тихо уходила
ото всего, что есть теперь...

ЮРИЙ МАКСИН • Поздние зёрна

* * *

«Боже, сделай её счастливой!» —
я о женщине русской молюсь.
Ты ведь сделал её красивой,
и счастливою будет пусть.

Пусть её материнство станет
счастьем нашей большой страны.
Пусть стираются злые грани
и проклятой войны, и вины

перед женщиной, перед любимой.
Слышу голос, клонясь в мольбе:
«Сделай, сделай её счастливой,
я доверил её — тебе».

Не хочет женщина взрослеть.
Какие её годы!
У женщин много чего есть
по милости природы.

Глаза — живая бирюза.
Улыбка — солнца лучик.
А если дальше рассказать,
то не отыщешь лучше.

Но время — вор, но время — волк,
оно крадёт и гложет.
И не возьмёт, шальное, в толк,
зачем красу ничтожит.

Живу и не спешу успеть
туда, где рукоплещут.
Я тоже не хочу взрослеть,
когда гляжу на женщин.

ДЕВИЦЫ

Не идут, а пишут —
словно к алтарю.
Не глядят, не слышат,
что ни говорю.

Молодые лица,
лёгкие следы...
А во мне клубится
«с белых яблонь дым».

В сердце грусть и слякоть,
жизнь съезжает вниз,
дескать, выкусь накось
свой последний приз.

Дескать, стар ты, дядя,
закатай губу.
И, на девиц глядя,
не кляни судьбу.

* * *

Заглох, как трактор без солярки,
как потерявший голос бард,
как соловей, глотнувший «Старки»,
как кот, когда истаял март.

Но вот: солярка в бак залита,
и барда голос слышен вновь,
и «Старка» соловьём не пита,
и март котам вникает в кровь.

Как говорится, всё на месте,
но что-то главное молчит,
жених ещё кружит к невесте,
ещё в гробу царевна спит.

И сознаём — не в нашей власти
земного счастья волшебство.
Но заболел любовью Мастер,
и Бог не позабыл его.

ЮРИЙ МАКСИН • Поздние зёрна

ГОЛУБОК

Мы с тобою под бдительным оком,
под крылатым приглядом живём.
К нам в окно голубок одинокий
тихо смотрит и ночью, и днём.

Мы не знаем, о чём он мечтает,
что он видит, в окошко смотря.
Только близко никто не летает.
Только кружится лист октября...

Вот такая история рядом,
вот такие творятся дела.
Под его голубиным приглядом
золотая
голубка
жила.

ЧЕРЁМУХА

Давно растёт черёмуха в саду.
Кем и в каком посажена году?

Неведомо. Но много, много лет
передавала с родины привет.

Она дарила белый аромат,
манила отворить калитку в сад

и целовать невинные цветы.
Черёмуха, любимая, где ты?

Я целовал невинные цветы.
Черёмуха, любимая, где ты?

Уткнусь лицом в корявый, чёрный ствол.
Как долго на свиданье к милой шёл!

Кругом следы ушедшей красоты.
И не достать последние цветы.

И не достать последние цветы...

Живём без солнца много дней.
Грустней — день ото дня.
Я думал целый день о ней,
но негде взять огня.

Свет солнышка покинул дом,
в нём даже нет теней.
А грусть — по кругу, об одном.
Без солнца — всё грустней...

* * *

Наконец-то тепло в нашем сумрачном доме.
Наконец-то светло в наших грустных глазах.
Переплыли судьбу, как реку на пароме.
Мы сидим у огня, и грохочет гроза.

Небо падает ливнем на крышу и стёкла,
занавесило нас от людских пересуд.
Наша прежняя жизнь, как дорога, размокла.
Наша новая жизнь — отогреется тут.

ЮРИЙ МАКСИН • Поздние зёрна

* * *

Ехал всадник и упал.
У него не бьётся сердце.
Он на мир глядеть устал,
в мир другой открылась дверца.

Он не ищет ничего.
За спиной трепещут крылья.
Много всякого всего
вдруг внизу осталось пылью.

Он не скачет, а летит,
как пушинка невесомо.
Ничего не удивит
в палестинах незнакомых.

Солнце ближе, ярче свет,
но глазам смотреть не больно.
Будет много-много лет
пустоты бесколокольной...

ПЫЛИНКА

Звёзды слева и справа, вверху и внизу.
Птиц не слышно, поёт только солнечный ветер.
Он всё гонит и гонит вселенскую тьму,
он её прогонял на Земле, на рассвете.

Просыпались деревья. Очнувшись, цветы
поднимали головки к зовущему небу.
Рыбы шли из глубин, из пластов темноты.
Звери грели бока, отдыхая от бега...

Звёзды слева и справа, вверху и внизу,
и пылинка, гонимая солнечным ветром.
Тихо здесь. Не услышишь земную грозу,
только ласковый шёпот летящего света.

Как всё просто в пределах у света и тьмы!
Зло, добро — из другого, незвёздного царства,
и не надо бояться сумы и тюрьмы,
слушай шёпот бессмертья космической арфы.

Он звучит неустанно — космический свет.
А с Земли всё казалось, что бездна молчала.
Всюду светятся звёзды, каких только нет!
Где же та, что меня привечала?

В маленьком-маленьком гнёздышке
крохотный птенчик живёт.
В этом же маленьком гнёздышке
птаха поёт и поёт.

Ветки от ветра качаются,
птенчику страшно порой.
Песенка матери мается
над золотой головой.

Маленький домик — над бездною.
Что его держит над ней?
Солнышко — силой небесною,
дерево — силой корней.

Волчья, а может быть, львиная
скалится пропасти пасть.
Жизнь — не такая уж длинная,
с песенкой может пропасть.

Маленький домик — пустеющий.
Время приходит, и вот —
птенчик, над бездною реющий,
песню поёт и поёт.

* * *

«Ты убил!..» — закричала она.
«Ты убил...» — пронзило его.
«Не курил, не кололся, не пил вина.
Зачем убил не того?»

Разве мало в мире растёт других, как трава, таких большинство. Ты убил своего, почему не их? Зачем ты убил его?»

Он был чист, мог примером стать
для многих земных сердец.
«Кто послал его на войну?» —
прокричала мать.
«Я», — ответил отец.

Как летом мухи по утрам,
взлетают слухи.
И производят трамповам
в душе и в ухе.

Но уши терпят, а душа
полна смятенья.
Потоки лжи её крушат,
и нет спасенья.

Умытый кровью ждёт Донбасс,
ждёт пополненья
бойцов за весь рабочий класс,
а не печенья.

Стреляют «Вести» по утрам
не хуже «Градов»,
в мозги вливают «Трамповам» —
коктейль из яда.

В пересечение звёздных трасс
летят проклятья.
Умытый кровью ждёт Донбасс!
Там гибнут братья!

АРМИИ УКРАИНЫ

Зачем вы ведёте войну,
стреляя в свою же страну?
Что ждёте в ответ?
Войне оправдания
нет!

И каждый, в кого вы стреляли,
чью волю свинцом подавляли,
запомнит кровавый набег
навек.

Законная воля народа —
священна, как честь и свобода.
Народ за неё будет биться,
а кровь будет литься
и литься.

Сложите оружие, братья!
Нет правды в игре плутократий.
Они вас опять обманули.
Им — деньги,
вам — пули.

Оплачьте родные потери.
Откройте согласию двери.
Вам Бог завещает страну
такую — одну.

Пусть Бог остаётся единым —
над всеми и всем Господином.

ХМЕЛЬНОЙ ОТРЯД

*«Идёт бычок, качается,
Вздыхает на ходу:
— Ох, доска кончается.
Сейчас я упаду!»*

Агния Барто

Идёт отряд, качается,
стреляет на ходу.
И чья-то жизнь кончается.
А мир дудит в дуду.

Дудит, что есть такой закон,
один закон для всех,—
оборонит со всех сторон
и всем отпустит грех.

Дудит, что где-то — бомбочка
у тех, кто у руля.
А к ней — запрета кнопочка,
чтобы жила Земля.

Идет отряд, качается,
стреляет влёт ворон.
И птичья жизнь кончается —
докаркали про схрон.

Ах, эта кнопка, кнопочка!
Родится обалдуй,
махнёт у кнопки стопочку —
и, мама, не горюй!

Большой психованный подлец,
один — на целый свет,
решился на большой трындец:
ба-бах! — и света нет!

Или зелёный сверчок —
далёкий от ракет —
скакнёт на красный маячок:
и тоже — света нет!

Идёт вперёд хмельной отряд,
стреляет в Божий свет.
И чья-то жизнь уходит взад:
ба-бах! — и жизни нет!

Качается, ругается,
стреляет влёт и вход.
Эх, скоро жизнь кончается!
И всё к тому идёт.

Племяннику Антону — воину России

В Брунее пальмы, здесь берёзы,
и тени предков — в синеве.
А если дождь, то эти слёзы —
и на лице, и на траве.

На всех оставшихся деревнях,
которые рванули в рост
в конце дороги самой древней,
всех приводящей на погост,

где много судеб заплутало
среди крестов и жизни дат.
Деревня — всех начал начало.
Здесь мой отец, твой дед, — солдат.

Нет в жизни встречи понапрасну.
И вдалеке от мест, где рос,
передавай, что жизнь прекрасна,
брунейским пальмам — от берёз.

* * *

Гурьбою высыпали грузди.
А говорили: нет грибов.
Теперь природа не отпустит
почти до самых холодов.

Готовь еловую кадушку
под золотой груздѣвый клад.
Послушай местную старушку,
как грузди белые солят.

Её рецепты и секреты
перетекли из уст в уста.
Из года в год, из лета в лето...
Так возникает красота.

ЮРИЙ МАКСИН • Поздние зёрна

Неужели грязь и лужи
перестанут душу грызть?
Неужели признак стужи
навещает нашу жизнь?

Лужи вымерзли до донца,
испарились без огня.
Проступает признак солнца
из-за серенького дня.

Дождь на головы откапал,
ветерок раздул мокрядь.
Кот с фамилией Цаплапый
вышел в город погулять.

Он ступает без опаски,
рыжий хвост торчит трубой.
Где-то рядом признак сказки,
не цаплапой, а другой.

Скоро январь нам помашет рукой,
и заметелит февраль.
Вот и кончается зимний покой.
Жаль уходящего, жаль!

Всё скоротечно, и даже снега,
пышные в ближнем лесу,
скоро осядут, как в поле стога,
сплющив былую красу.

Всё скоротечно. Заявится март
свистом синиц по утрам,
и повсеместно стартует азарт
счастья с грехом пополам.

Солнце на реках пролижет насквозь
холодом литую сталь.
Время приходит, уходит, как гость.
Жаль уходящего.
Жаль!

СНЕЖНЫЙ ТРИПТИХ

1

А первый снег
всего видней на пашне.
Любой, кто видит,
видит это так.
Не прошлогодний снег
и не вчерашний
рисует зябь
за ломаный пятак.

Контрастно выделил
пласты земли поднятой,
задумался
на несколько минут
и завалил
пушистой белой ватой
свой гениальный,
бесполезный труд.

Художник-снег —
ему творить всю зиму.
Нет без него
на ветках снегирей.
А вместе с ним
и я творю,
незримо,
живя в плену
заснеженных полей.

Последний снег — ты никому не нужен.
Всё ждёт весны, а ты идёшь, идёшь.
Вот разве что воды добавишь в лужи,
но что миллиону запоздалый грош!

Как ни иди, а время бессердечно,
как ни лети на всякой из планет,
а впереди так скоро, так навечно —
расплав судьбы, распад
прошедших лет.

Снег первый и снег последний.
Меж ними была зима.
Слушали ветра бредни
снежные закрома:

«Много на поле снега —
вырастет в поле хлеб».
Только давно здесь не был
поля оратай Глеб.

Поля оратай Павел,
поля оратай Пётр,
кто вас куда направил?
Эй, выходи на смотр!

Снегом полны лужайки,
будет и ягод всласть.
Где вы, лесов хозяйки,
кто вас сумел украсть?

Временем стёрты межи,
борозды. Тихий вид.
Под одеялом снежным
дикое поле спит.

Знаю, с последним снегом
много натает слёз,
павших на землю с неба
звёздочками в мороз.

* * *

Грибы — ломают.
Нервы — треплют.
Горох — воруют.
Слёзы — льют.

Собаки — лают.
Сила — крепнет.
Душа — тоскует.
Кони — ржут.

Гостей — встречают.
Просо — сыплют.
Шары — катают.
Морду — бьют.

Дрова — сгорают.
Куры — слепнут.
Снежинки — тают.
Тапки — жмут.

Ворон — считают.
Бабу — лепят.
Детей — балуют.
Дело — шьют...

ЮРИЙ МАКСИН • Поздние зёрна

ТРОПА

Огнями светится тюрьма.
У ней своя история.
А на дворе стоит зима,
трещит мороз, тем более.

Я вдоль по улице пройду.
И поздно ли, и рано ли —
ни огонька здесь не найду,
все спят, как в землю канули.

Куда в снегах ведёт сама
тропа давно не узкая?..
Огнями светится тюрьма,
и там играет музыка...

РТУТЬ

Он заработал кличку «Ртуть»,
движеньем наделённый.
Он каждый день готов рискнуть
на зоне и за зоной.

О нём братва разносит слух,
что в трёх местах на киче
одновременно Ртуть, как дух,
гулял в своём обличье.

Одним движением бровей
разденет и оденет.
Он любит деньги, как еврей.
Он там, где много денег.

А в остальном — не при делах.
Братва — родные братья.
Наколка — руки в кандалах
сжимают крест
с распятием.*

ЮРИЙ МАКСИН • Поздние зёрна

* Эта наколка символизирует веру в блатное братство, преданность воровскому делу.

ПЕСНЯ НЕВЕСТЫ ОБ ОТЧИМЕ И ЖЕНИХЕ

«Мир красотой спасётся».

Ф. Достоевский

Отчим был агрессивен и пил,
но своих грозный отчим не бил.
А чужих этот отчим
так лупил, между прочим,
что из тюрем он не выходил.

Мой жених был и молод, и мил,
говорил, что безумно любил.
На других не смотрел,
песни нежные пел,
в общем, был положительный чел.

Когда отчим «с тюрьмы» приходил,
моего жениха он не бил.
Они пили и ели,
песни страшные пели.
Жениха отчим жизни учил.

И теперь они вместе сидят
и на всё сквозь решётку глядят.
И ни пить, ни любить,
ни чужого побить
им начальники тут не велят.

Вот такой невесёлый сюжет.
Люди, дайте, что делать, совет.
Отчим скоро придёт,
а жених — пропадёт.
В моей жизни прекрасного нет.

Вот такой невесёлый сюжет,
я зависла над пропастью лет.
Отчим скоро придёт,
а жених — пропадёт.
В моей жизни прекрасного нет...

КОНЦЕПТ*

Есть здесь храм, тюрьма, больница
и один живой поэт.

Может Богу помолиться,

сесть в тюрьму,
начать лечиться...

Может в рифмах раствориться,

это —
правильный
концепт.

ЮРИЙ МАКСИН • Поздние зёрна

* *Концепт* — инновационная идея, содержащая в себе созидательный смысл.

СВЕЧИ

Мыши летучие, гады ползучие,
слизни падучие — чур!
Спряталось солнце за чёрными тучами,
ветра бездействует бур.

Теплится робкое, теплится нежное
чистое пламя свечи.
Тропки заросшие, время крошечное...
Свечи — как звёзды в ночи.

Или с ума, или сходим с орбиты мы,
тьма ли на землю сошла?
Души затеплим святыми молитвами
и — на святые дела!..

КОЛОКОЛЬЧИК

Только прежний твой голос и слышу —
колокольчик отставшей судьбы.

А вокруг — одинокие крыши
в позолоте опавшей листвы.

А вокруг — одинокие люди
ходят, в небо глаза опустив.
Здесь тоска сердце бедное студит,
как приют для душевнобольных.

Не излечит уже и природа.
Все закаты — кроваво-красны.
Растворились бесценные годы
в перекройках души и страны...

Нет, не стану я биться-ругаться,
всех за что-то виня и кляня.
Лучше в памяти чьей-то остаться —
колокольчиком чутким звеня...

ЮРИЙ МАКСИН • Поздние зёрна

Перо убитой кем-то птицы
всю ночь мне не давало спать.
Оно пыталось в бок внедриться,
чтобы пригрезилось летать.

Не зря перины набивают
пером убитых бедных птиц.
Не зря свой ножик называют
«пером» в кругу блатных убийц.

И есть одно — белее света,
его ещё зовут *стило*.
Его макают в кровь поэты
и строчки ставят на крыло.

СОТРУДНИК ЧК
(песенка для кинофильма)

Сотрудник ЧК оторвался слегка,
он выпил всего лишь стакан.
Но дрогнула странно стальная рука,
когда наводила наган.

Он выстрелил — мимо! В другого попал.
А мне подфартило пока.
На красном коне от ЧК ускакал,
три пули прошли у виска.

Сотрудник ЧК оторвался слегка,
когда он начальнику врал,
что всех положил, не дрожала рука,
и пел «Интернационал».

А я всю дорогу молитвы читал,
припомнил друзей и родных.
Почаще б сотрудник стакан поднимал —
побольше б осталось в живых...

ЮРИЙ МАКСИН • Поздние зёрна

В. Б.

Многое помнится в жизни земной.
Совесьть недрёмно кочует со мной.

Ближе её — никого на земле,
разве что пуля, что дремлет в стволе.

Разве, Господь, пред которым винюсь,
русские люди и милая Русь.

Слёзы дождя на оконном стекле,
слов откровенье лежит на столе:

«С низким поклоном, до судного дня,
братья и сестры, простите меня!»

КОРАБЛЬ И КРЫСЫ

На корабле вдруг объявились крысы.
Всего-то две, но обе — заодно.
В мозгах у них созрели злые мысли:
сбежать в порту, пустив корабль на дно.

Одна была послушной зомби-крысой.
Постарше, пожирнее — крыса-шеф.
Шеф на «разведку боем» зомби выслал,
среди команды рыкнуть, аки лев.

Он рыкнул, но никто не испугался,
кричал: «Покину вас!», как заводной.
Но плыл корабль. Родимый порт заждался
не крыс, конечно. Тех, кто плыл — домой.

Матросы в море — опытные люди,
они — штормами пуганый народ.
И если крысы прут на сушу грудью,
команда знает: надо плыть вперёд!

Откуда рядом возникают крысы?
Никто их за собой не приводил.
Наверно, оживают злые мысли,
им форму крыс Творец определил.

Плывёт корабль, на море ветер свищет.
Не скоро сквозь туман забрезжит порт.
Пока сомненья не прогрызли днище,
корабль плывёт. А крыс — пора за борт.

ЮРИЙ МАКСИН • Поздние зёрна

Никто из них горько не плакал,
прощаясь с великой страной.
Им просто хотелось на Запад,
им Родина стала чужой.

С собою никто для оплота
не взял горсть родимой земли.
Их в сказку несли самолёты,
их в сказку везли корабли.

Но сказки кончаются быстро,
и чем ещё будешь согрет?
Есть деньги, но много ли смысла,
когда от них совести нет.

Открыт выпускающий клапан,
обещан предательский грант.
Им просто хотелось на Запад.
Вот в этом их главный талант.

МАНДАТЫ

*Мандат — документ, удостоверяющий
права и полномочия.*

(Из словаря иностранных слов)

Умом Россию не понять...

(Ф. Тютчев)

Европа! Ты разучилась воевать.
Европа! Тобою крутят Штаты.
Европа! Ты можешь завтра потерять
свои последние мандаты.

Мандаты, мандаты...
Дала сама ты досадный сбой —
мандаты, мандаты
на управление собой.

Мандаты, мандаты...
У Штатов для Европы есть
мандаты, мандаты...
Ты потеряла свою честь.

Европа! Тебе Россию не понять.
Европа! Нас общей мерой не измерить.
Европа! У нас особенная статья —
нам без мандатов можно верить.

Мандаты...

У них во всём «рука Москвы»,
в чём сами виноваты.
Они, реально, не правы,
разнузданные Штаты.

У Штатов — длинная рука,
длиннее не бывает.
Взмахнёт Америка слегка,
и вся Европа лает.

Но караван идёт вперёд —
судьба его такая.
Медведь или верблюд лягнёт,
и примолкает стая.

Стареет длинная рука,
дрожит у кукловода.
Струится времени река...
Куда идут народы?

ТОСТ

Я пью за Родину, которой
остатки задержались в нас.
Не за ракеты и моторы,
за трудовой советский класс.

Не за рабов на производстве,
не за рабов в тиши контор
и не за тех, кто на уродстве
куёт богатство с давних пор.

Я пью за годы золотые
и за победную весну,
Союза символы святые,
один народ, одну страну.

И всё ж себя не пересилю,
любовью к ней душа полна.
Тост — за красавицу-Россию!
Средь равных первая она.

Себя Россия не жалела
для счастья братьев и сестёр.
И в девяностых уцелела,
но не об этом разговор.

Я пью за то, чтобы осталась
в потомках наших красота.
Ведь за неё душа сражалась,
ведь без неё — и жизнь пуста.

За жизнь красивую, простую,
за счастье мирное людей,
за Русь по-прежнему святую,
за наших истинных друзей!

ЮРИЙ МАКСИН • Поздние зёрна

ЮРИН САМОГОН

Юрию Поясову

Люблю я Юрин самогон,
хранящийся в подвалах личных.
На таволге настоян он,
очищенный белком яичным.

Он глубины необычайной,
её душевно зачерпнёшь,
и сутки покорённый тайной
в янтарной сказке проживёшь.

И никаких последствий нудных,
когда из сказки прямиком,
как верный муж, немножко блудный,
летишь к жене в родимый дом.

И не застуканный с поличным,
на таволге настоян весь,
вдруг задаёшь вопрос отличный:
«Скажи мне, милая, я здесь?»

АСТРАЛЬНАЯ СВЯЗЬ

«Дело наше такое: впадая в астрал,
не забыть возвратиться обратно»,—
беспробудный философ однажды сказал,
припадая к ноль семь самокатной.

Он всегда возвращался, но где-то в верхах
вышел сбой в алкогольной программе.
И домой принесли проспиртованный прах
к его вечной заступнице — маме.

Ой ты гой ты еси, добрый молодец наш!
Ой ты гой ты еси, забулдыга!
Кто теперь ей подправит подгнивший шалаш,
из чэпка притаранит ковригу?

Двое верных друзей, поминутно крестясь
в красный угол, стоят при пороге.
Оборвалась — такая астральная связь!
Подгоняй похоронные дроги!

АКРОСТИХ

По ведёрку копорского чая
Опорожнили мы за столом.
Я сказал: «Мой визит не случаен,
С этим чаем мне всё нипочём.
Он — свидетельство русского рая,
В нём сгустилась по русскому грусть.
Уезжаю, но скоро вернусь».

Завыва-ва-ва-ва-ва-ет,
завывает ветер во трубе.
Завыва-ва-ва-ва-ва-ет
что-то невесёлое во мне.

Ой, не до веселия, не до!
Ой, не до твоих горячих губ!
Ты уж извини, что мне не до,
что с тобой неласков стал и груб.

Мне давно чего-то не хватало,
не хватает волюшки давно.
Видно, дорогая, неспроста
пью и пью зелёное вино.

Завыва-ва-ва-ва-ва-ет,
завывает ветер во трубе.
Завыва-ва-ва-ва-ва-ет
что-то невесёлое в тебе.

Знаешь, дорогая, всё пройдёт,
пролетит и это. Жизнь одна,
и никто на небе не нальёт
нам с тобой зелёного вина.

Не грусти, родная, не грусти,
мы ещё с тобою на земле.
Может, по карманам поскрести
и слетать за зельем на метле.

Завыва-ва-ва-ва-ва-ет,
завывает ветер во трубе.
Завыва-ва-ва-ва-ва-ет
что-то невесёлое в судьбе.

Ты, судьба хромая, не скрипи,
потанцуй на липовой ноге,
все мои печали усыпи.
Буду жить и дальше налегке.

Ой, нельзя надолго унывать,
заклюют иначе, так и знай.
Может, надо бросить наливать,
слышишь, по последней наливай.

Завыва-ва-ва-ва-ва-ва-ет,
завывает ветер во трубе.
Назрева-ва-ва-ва-ва-ва-ет
что-то непонятное во мне.

В гостях я расслабляюсь раз в году.
И из гостей однажды не уйду.
С последней каплей крепкого вина
коснется жизнь серебряного дна.

Жизнь для гостей опять накроет стол
всех помянуть, кто в вечность отошёл.
Бесплотной тенью буду за столом.
Гуляй и пей, гостеприимный дом!

Но помни, он придёт, последний день,
когда вокруг стола, за тенью тень,
усядутся — хмельные без вина,
налитого в пустой сосуд без дна.

Хмельные тени за пустым столом
провоют тост — за разорённый дом!

ЗНОБЯЩЕЕ СЧАСТЬЕ

С открытой душой без застёжки,
нахлынувшей волей влеком,
поэт, как сбежавший острожник,
однажды исчез за углом.

В селениях нового царства
он мог бы навеки пропасть.
Свобода была, как лекарство,
как ждущая тайная связь.

Когда возвратился измотан
сквозящим упрямством дорог,
в глазах его цвёл приворотом
знобящего счастья цветок.

* * *

Пока ещё ты нужен сам себе —
живая дань полуживой судьбе.

А больше ты не нужен никому —
ни сердцу своему и ни уму,
ни сказанным серебряным словам,
которые сказал когда-то сам.

Все без тебя — который год живут.
Но ум и сердце в слове не умрут.

ЮРИЙ МАКСИН • Поздние зёрна

* * *

Мы все ветром жизни гонимы,
и катимся в поисках нег.
А с неба следят серафимы
наш путь, дорогой человек.

Крылами сближают упруго
в ночи заплутавших людей.
Упруго, в объятья друг друга —
найдите друг друга скорей.

А если всё мимо и мимо,
любимых не видят глаза,
печально молчат серафимы.
И в небе сверкает гроза...

* * *

Тишина. Никто не вспомнил,
да и некому уже.
Друг смертельный трюк исполнил
на последнем вираже.

Он, войдя случайно в штопор,
снова вырулить не смог.
На два метра в грунт закопан,
сверху — камень, крест и Бог.

ЮРИЙ МАКСИН • Поздние зёрна

СТАРЫЕ ПИСЬМА

Я старые письма
зачем-то читаю.
Над дружбой ушедшей
смеюсь и вздыхаю.

Смеюсь, понимая —
наивно мы жили.
Вздыхаю — как преданно,
нежно дружили.

И хочется вызнать,
а что — непонятно,
ведь жизнь никогда
не пойдёт на попятный.

И знания эти,
как спетая песня.
И то, что сгорело,
увы, не воскреснет.

Я старые письма
всё дальше читаю.
Всё меньше смеюсь
и всё больше вздыхаю.

И всё неизбежнее
горечь утраты,
но сердце рванулось
за чем-то, куда-то.

Туда, где за строками
светлые даты,
забытые раны,
дороги, закаты.

Где каждый по-своему
выбрал дорогу.
По-своему — с Богом!
По-своему — к Богу!

По-разному всех
настигает расплата.
Нет писем любимой!
— Ты сжёг их когда-то...

ЮРИЙ МАКСИН • Поздние зёрна

* * *

Захожу к себе на «Почту»
и читаю: «Новых нет...».
Мне никто писать не хочет
вот уже который лет.

Но не почта жизнь итожит,
а совсем наоборот.
Старый друг уже не сможет
пожелать мне долгих год.

Новых писем нет, нет, нет
даже в новый лет.

Светлых строчек кот, кот, кот...
даже в Новый год.

Я бродил по апрельскому лесу.
Он ещё не покрылся листвой.
Только вербы, лесные невесты,
чаровали своей красотой.

Снег таился ещё по низинам,
но и он превратится в ручьи.
На реке
на плывущие льдины
я глядел, как на годы свои.

Два часа до конца ледохода
оставалось. Об этом не знал.
Знал о том, что теплеет погода
и что скоро пойду на причал.

ЗАБЫТАЯ ДОРОГА

А по приметам будут холода:
опять рябины раскраснелось много.
Вновь никого не приведёт сюда
забытая, размытая дорога.

По ней пойдёшь, морщины как рукой
разгладит дух природного настоя —
листвы, травы и свежести лесной.
Здесь всё нерукотворное, земное.

Вот это бы душой своей опять
принять как дар, как долю и награду.
Душе потребна Божья благодать,
а от лукавого ей ничего не надо...

Срываю душистые травы —
мелиссу, чабрец, любисток —
не ради какой-то забавы.
Я их засушу себе впрок.

И в снежных просторах безбрежных,
когда надо душу согреть,
я их заварю неизбежно
и буду про что-нибудь петь.

И чая другого не надо,
попробуйте древний настой.
Поверьте, от тёплого взгляда
и мир не холодный,
другой.

Что-то с природой земною не так,
что-то — с любовью земною.
Я поднимаю оболганный флаг,
знамя труда и героев.

Здесь территория прежней любви,
пение птиц на рассвете —
в сердце моём, это значит в крови,
в древнем славянском секрете.

Я отправляю в пространство слова,
строя шеренгами строки.
Если напишется жизни глава,
будут в ней предков уроки.

Я поднимаю оболганный флаг.
Цвет его выстрадан нами.
Цвет его помнит разгромленный враг.
Реет
багряное
знамя.

С разволнованными лицами
не скрипите половицами.

Половицами скрипение
не родит стихотворение.

Разве что, поэт соврёт,
что одна из них поёт.

Но поёт она в тиши,
так что сядь и не шурши.

Подоприте руки лицами
и любуйтесь половицами.

И тогда одна из них
вспомнит, что родила стих.

Подпоют полы и двери,
оживёт старинный терем.

И шагнёт навстречу лесу
просто так, без интересу.

Вместе с ним шагнёт душа,
не волнуясь, не спеша.

Хорошо среди природы.
Эх, какие наши годы!

* * *

Не только от птичьего пенья
пришлось мне в лесу прикорнуть.
Средь листьев опавших, земного коренья
свалил меня прожитый путь.

Пускай всё несётся по кругу,
пускай возвращается вспять.
Под грешную голову суну я руку —
и в сон или в небо, как знать.

* * *

Под этими елями
многое вспомнится.
Летали качели здесь,
и пела здесь звонница.

Разрушили звонницу,
качели растаяли.
А ели всё высятся,
а ели оставили.

Под этими елями —
праздники памяти.
Стихами и трелями
под елями станете.

ЮРИЙ МАКСИН • Поздние зёрна

Я опять в колее повторимой.
Может, все повторенья напрасны.
Белый свет мне навстречу — и мимо,
Впереди — убегаящий красный.

И колёса всё крутятся, мера
путь земной в скоростных километрах.
Это гонки железного зверя,
слышен свист заведённого ветра.

Всё сильнее чья-то жизнь закрутилась,
обходя опостылевший красный,
и разбилась, навеки разбилась,
убегая с наезженной трассы...

Сколько раз я это в детстве слышал:
жизнь прожить — не поле перейти!
И однажды через поле вышел
на другие тропки и пути.

По шоссе, по рельсам, «вниз по Волге»...
И с небес, бывало, тоже вниз.
Путь к себе по жизни выпал долгий.
Нет, не только к звёздам путь тернист.

Я иду пешком, иду, как прежде,
«сквозь туман...», сквозь давние года.
Сердце бьётся в призрачной надежде
навсегда вернуться. Навсегда.

Жизнь дожил, иль не дожил чего-то,
не допел, доделать восхотел?
Столько было сердцем отогрето
бесполезных и ненужных дел!..

Приближаюсь. Не видать деревни.
Лес дремучий застилает свет.
Нет тропинки вековой, древней.
Нету поля. Да и жизни нет...

Усталость моя равносильна усталости птицы,
летевшей без отдыха долгие ночи и дни.
Когда удаётся на землю с небес опуститься,
то жизнь поначалу удару о землю сродни.

Тяжёлыми стали упругие лёгкие крылья,
как будто не кровью, а ртутью наполнена плоть.
И проще сквозь землю тяжёлым гвоздём провалиться,
значительно проще, чем небо собой проколоть.

Но манит и манит воздушная бездна, и снится,
как лётчику снится не прерванный, вечный полёт,
когда исчезают пространства земные границы,
и что-то беззвучно, бессловно зовёт и зовёт.

Усталость моя равносильна усталости ночи,
истерзанной шумом и светом больших городов.
Душа надоевшего шума и света — не хочет.
Ей хочется сна и спокойных, целительных снов.

Усталость моя не осилит судьбы притяжение.
Усталость проходит, судьбы притяжение — нет.
И каждая строчка грядущего стихотворенья,
как чьи-то глаза из прошедших, из прожитых лет.

СНЕГ ЛЮБВИ

*Стихотворный
цикл*

ГРЕБЕШОК

Тишина — густая после боя.
Уши словно заложило ватой.
Вслушиваясь в признаки покоя,
девочка заметила солдата.

Оба вышли из укрытий пыльных,
как в живых остались — непонятно.
Здесь враги стреляли и бомбили,
но опять ни с чем ушли обратно.

Луг под солнцем дышит травостоем,
в мареве над ним кружатся птицы.
Здесь — дымится город после боя,
от снарядов, бомб и мин дымится.

Здесь совсем недавно славно жили.
Тракторный, река, берёзы, школа...
Беззаветно Сталинград любили
жители его и новосёлы...

И солдат заметил, как из праха —
пепла, гари и остатков дома —
девочка порхнула, словно птаха,
к солнцу, к людям тишиной влекома.

Худенькая, слёзные разводы,
на лице чумазом скорбь застыла.
Но глаза — синее небосвода.
Господи, какая же в них сила!

Вот она стоит — земная кроха,
перед тем, кто жив в аду остался,
и лепечет горько после вдоха:
«Гребешок мой где-то потерялся.

Мне никак теперь не причесаться.
У меня всегда была косичка».
И готово снова улыбаться
детское заплаканное личико.

А боец пострижен «под нулёвку»,
есть такая ратная причёска.
С ней убога детская головка.
«Под нулёвку» не нужна расчёска.

Но и он в деревне довоенной
был красавец с русыми кудрями
и казался необыкновенным
девушке с влюблёнными глазами.

Для сестёр и той, что так смотрела,
из рогов коровьих, из берёзы
вырезал он гребешки умело.
Ими девушки расчёсывали косы.

У солдата острый нож — с собою.
Девочка нашла бойцу дощечку.
Мастерит он гребень после боя,
радуется детское сердечко.

Много разных истин есть на свете,
на войне осознаёшь до дрожи:
если рядом радуются дети,—
это на Земле всего дороже.

И пускай не скоро мир настанет,
много крови за него прольётся,
и солдата — дважды пули ранят.
Девочка, взяв гребешок,— смеётся.

И она кричит, танцуя: «Мама!
Дяденька вот сделал, посмотри!»
И в глаза солдата смотрит прямо,
и ему «спасибо!» говорит.

Подлетела к маме — причесаться
и опять косичку заплести.
А солдатский долг — идти сражаться,
«под нулёвку» врагов мести...

Годы шли, земля покрылась новью.
Развязался памяти мешок.
Нет отца, но вижу, как с любовью
сталинградский режет гребешок.

Я не знаю, сколько прослужил он
девочке, прошедшей сквозь войну.
Нет отца, но как красиво жил он!
И надёжно защитил страну!

Знал ли я, что в сердце отзовётся
красота его спокойных дел.
Может, правда, ею мир спасётся,
если б мир спасти себя хотел?..

МАМА, СЛЫШИШЬ...

Я опять обнимаю тебя, золотая.
Наяву тебя нет.
Я не знаю, что видят, когда улетают,
и какой он — тот свет.

Здесь весна забирает права в свои руки,
март уходит в апрель.
С каждым утром всё радостней трели и звуки,
что родила капель.

Сколько сини и света влетает в глаза!
Скоро Пасха грядёт.
Но ещё вышибается ветром слеза,
и не тронулся лёд.

В эти дни высевала ты в чашах земных
семена на рассаду
и гадала, и знала, что будет от них
за усердьё — награда.

Сколько раз это было! Но в нынешний год
станет всё по-иному.
Уж не ты, а другой оживит огород
возле нашего дома.

Дети, дети... Они покидают свой кров.
Далеко их уносит.
Жизнь проходит вдали от родных стариков
и за это не спросит...

И когда провожали навеки отца,
как ты вдруг зарыдала...
Навалилась беда тяжелее свинца.
Души — крепче металла.

Ты жила и ждала от детей новостей,
и светила при встречах.
Знай, что встретимся, встретимся в царстве теней,
срок разлуки — не вечен.

И у каждого путь в свой последний приют —
равен прожитым годам.
Мама, слышишь, как птицы сегодня поют?
Снег сошёл с огорода...

СТАРАЯ ПЕСЕНКА

*«Милый, купи ты мне шляпу,
буду я шляпу носить.
Если не купишь, заплачу
и перестану любить».*

Эта весёлая песня
в юности мамы звучит.
Весело мама смеётся,
папа смущённо молчит.

*«Милый, купи ты мне туфли,
буду я туфли носить.
Если не купишь, заплачу
и перестану любить».*

Папа ушёл на работу.
Нет там ни туфель, ни роз.
«Милый, купи ты мне кофту»...
Папа косынку принёс.

Мама его целовала,
слёзы бежали рекой:
*«Я ведь шутя напевала,
милый ты мой, дорогой!»*

*«Папа, купи ты мне боты,
буду я боты ботить,—
дочь моя звонко смеётся.—
Что бы ещё попросить?»*

Годы прошли без оглядки,
не за что время винить.
«Милый, купи ты мне шляпу» —
песенку не вернуть.

Дело, конечно, не в шляпах,
дело не в туфлях и не...
Просто, мы жили когда-то
в самой любимой стране.

ДЫМ

Тёк ручеёк — на спусках говорливый.
Текла река, в ней отражалось небо.
И жизнь текла когда-то справедливо,
и труд равнялся добыванию хлеба

насущенного, без примеси злословья
и зависти пустой к труду чужому.
Поля дождём кропились, а не кровью,
глаз радовался — золоту соломы.

И пот лица был признаком согласия
меж всеми, кто трудился, добывая
своим трудом — себе земное счастье
и честь, и славу — для родного края.

Но в дивный мир гармонии и света,
где луч любви животворил собою,
вошли иные, чуждые приметы,
одежды, песни — чуждого покроя.

И терем стал казаться устаревшим
среди заморских, привозных чудес,
а мир родной — куда-то не успевшим.
Ручей примолк, поблекла синь небес.

Своё, родное стало неказистым,
нависла расставания слеза,
и на пути, разведанном и чистом,
затмение заполнило глаза.

Их зависть замутила лживым блеском,
ум позабыл, что не своё — не впрок.
И в городском жилье, и в деревенском
затлеел непониманья огонёк.

Он разгорался, потянуло дымом,
за дымом гарь судьбу заволокла,
и злая ложь в Отечестве любимом
своё гнездо змеиное свила.

«Ты за него,— сказали,— не в ответе,
за край отцов не стоило страдать,
в чужих краях теплее солнце светит,
как мачеха тебе, Россия-мать».

Большие деньги стали смыслом жизни.
Растратился душевный капитал.
И роскошь, без стыда, без укоризны
«здесь и сейчас» взошла на пьедестал.

Но всё проходит, всё имеет сроки,
«здесь и сейчас» — совсем короткий срок.
Недолго блещут лживые пророки.
Да и к тому же — бедность не порок.

А ценность жизни — всех богатств ценнее.
Своё, родное — радует сердца.
И пусть оно — попроще, поглубже.
Но говорят: не воду пить с лица.

И ветер времени развеял морок дыма.
Заморский гвалт пристыженно примолк.
Шумит весна навек родного Крыма,
а против лжи — идёт Бессмертный полк.

В ЛЕСУ

Здравствуй, гриб-боровик —
украшение лесов!
Ты живёшь
по законам природы.
Кроме птичьих
не слышишь
ничьих голосов.
Льются звуки
с небесного свода.

Впрочем,
что-то шептал муравей,
лось трубил
в состоянии гона.
Да ещё
хлопотливая стая
людей
лес мела
в окончанье сезона.

Сколько нужно им ягод —
поди разберись.
Всё бы вынесли,
удержу нету.
Носят, пилят...
Какая-то
странная жизнь
у владельцев
чудесной планеты.

Где ещё столько рек
и озёр, и лесов?
Много звёзд,
что там есть —
неизвестно.
И качаются чаши
вселенских весов,
выбирая
счастливое место.

Появляется влага,
сгущается в слизь,
формируется
твёрдое тело...
И однажды
вошёл в него
дар Божий — жизнь,
звонкой кровью
всё тело запело.

Сок деревьев
и кровь
человечьих сердец —
не энергия нефти и газа.
Это тайна,
которую создал
Творец
и сокрыл
от пытливого сглаза.

Никогда
не понять им —
кто рушит и жжёт,
мёртвой силой
вокруг созидая,
что по Божьим законам
природа живёт.
По иным —
ненасытная стая.

Знаешь, гриб-боровик!
Ты мне
радость принёс.
И когда я
тебя созерцаю,
зелень сосен,
листву золотую берёз,—
это всё красоте
завещаю.

Да и сам я сегодня
есмь часть бытия,
человек,
растворённый в природе,
возвращённый любовью
в родные края.
Рад
нахлынувшей в сердце
погоде.

Ты не знаешь зимы.
Я не знаю, что —
там,
что за встречу
сулит бесконечность.
По каким таким
выйду,
усталый,
следам
прямо к дому,
по имени Вечность.

Но я знаю, что здесь,
только здесь и нигде,
Божий дар
проявляется с силой,
что однажды
на тихой,
зеркальной воде
отраженьем судьбы
проступил он.

И с тех памятных пор
 знак судьбы и душа
 неразлучны
 на жизненном поле.
 И земные часы
 неустанно спешат
 под приглядом
 Божественной
 воли.

Если сил больше нет,
 или сбился с пути,
 только к небу родному
 взываю.
 Далеко-далеко
 днём и ночью горит
 свет звезды
 и к себе
 призывает.

Знаю, гриб-боровик,
 скоро пусто в лесу
 станет,
 скоро
 примчатся метели.
 Через год
 я сюда же
 поклон принесу,
 только встретят ли
 тёмные ели?

Может, будет кругом
 бурелом,
 пустота.
 Красота —
 отодвинута грозно.
 И ни слов, ни грибов,
 только капли с куста
 будут падать и падать,
 как слёзы.

Разделю я печаль.
А пока, а пока —
и грибов, и брусники —
навалом.
Словно сладкая вата
плывут облака.
И душа
столько слов
наискала!

И в осеннем лесу,
что тут ни говори,
лечит думы
краса золотая.
И пускай
улетают
на юг журавли,
не навек они
вдаль улетают.

Всё вернётся в России
на круги своя,
так всегда
в нашей жизни
бывало.
Вот опять завершается
круг бытия,
но листва ещё вся
не опала...

СНЕГ ЛЮБВИ

С первым снегом
во мне забродила весна.
Так бывает,
когда собираются силы.
Загустевшую кровь
оживила она.
Позабытой
дороги
душа
запросила.

Как на голову снег,
убелёнными тропами детства,
с поседевшей душой
к позабытой калитке
пришёл.
И звенело в груди,
как струна соловьиная,
сердце.
Я увидел её,
но любимую в ней
не нашёл.

Голос тот же,
но что с нею сделали годы!
Прокатились зубчатым
железным
катком.
Время жизни летело,
не ведая брода,

но зачем-то
махнуло нам
снежным платком.

Взгляд её
так же странным был
и недоверчив,
но из прошлого
всё же
раздался звонок.
И я видел,
как дрогнули хрупкие плечи.
И рука приняла
георгина цветов.

Мы глядели в глаза,
узнавая и
не узнавая,
говорили о чём-то,
как будто пощады прося.
Снег летел и летел,
с головой нашу жизнь покрывая.
Всё летел и летел,
и следы,
и любовь
занося...

СТАРИК

Поэма

Он промолвил: «А это потом...»
И судьба поняла: после смерти.
А пока — никому, ни о чём.
И она обещала, поверьте...

Через год грянул выстрел, и пуля вошла
прямо в сердце, что биться умело
за Россию, за крест, что она приняла,
за любовь и за правое дело.

Пачка писем белела на тёмном столе.
Стол — дубовый, мечта антиквара.
И откуда он взялся в убогом жилье?
Не иначе — от Божьего дара.

Не иначе за то, что сзывалась к нему
ненасытная буйная стая,
и напевные звуки летели во тьму,
словно речь обречённого рая.

Сколько мрачных и светлых героев сошлось
на мерцавшую келью поэта!
А теперь тишина здесь — хозяин и гость.
И последняя песенка — спета...

Пачка писем белела... Слова-полова.
Три письма перевязаны нитью.
Нитью алой помечены жизни глава,
или ход неслучайных событий?

Всё в ней было: метели, любовь и война,
и семьи драгоценное счастье!
Раскололась, распалась родная страна,
разорвалась, как сердце, на части.

Ну, а если от пули отвлечься на миг,
если гибель была не напрасной,
и не зря эти письма означил старик
словно кровью — завязкою красной?

Что теперь размышлять: развязал и читай,
скрасишь чтением «прелести быта».
Только помни: чужих прикасаешься тайн,
в них душа пред тобою раскрыта.

*Письмо первое
(любимой)*

*Как Россия у нас велика!
Далеко мы сейчас друг от друга.
И как будто не выйти из круга,
все пути замечает пурга.*

*Здесь граница всему, что напрасно,
и не мучает радужный быт.
Служим Родине, служим всечасно.
Рад, что жив и тобой не забыт.*

*Нас простое солдатское братство
породнило в большую семью.
Это главное наше богатство
и в труде, и в жестоком бою.*

*Если тяжело, плечо ощущаем
и пожатие крепкой руки.
Я люблю тебя, слышишь, родная!
Как мы всё же сейчас далеки!*

*И влюблённое сердце — тоскует,
не поведать о том в двух словах.
Ветер вьюжный всё дует и дует,
и весну приближает во снах.*

*А она не такая, как раньше...
Значит, сбудется что-то не так.
Время гулко, как рота на марше,
в наших душах печатает шаг.*

*Мы суровее стали, чем прежде.
Твоё фото, как святости лик.
Есть жестокая хрупкость в надежде
на свидания радостный миг.*

*Мне бы крылья, летал бы ночами.
Что нам с крыльями тысяча вёрст!
Только, крылья зовутся мечтами,
и мечты — наш спасительный мост.*

*Я тебе назначаю свиданье
в тёмном небе на звёздном мосту.
Пусть небесное наше сиянье
ослепляет других за версту.*

*Пусть дивятся на сполохи света
те, кто любит бродить по ночам,
Я — люблю. Но тебя рядом нету,
потому мы не с ними, а там.*

*Там... О, Господи! Снова лишь в мыслях.
Ну а время летит — наяву.
Наш отряд в неизвестность зачислен.
Помню всё и любовью живу...*

*Мы на запад уйдём на рассвете.
Быстро звёздная ночь пролетит.
Ветер. Дует отчаянный ветер.
Пожелай нам удачи в пути.*

*Если жизнь обойдётся сурово,
на семь бед не найдётся ответ,
пусть хранит тебя верности слово,
строк любви, не исчезнувшей, свет.*

*Вот такая военная, в общем, любовь.
Ей уюта всегда не хватало.
И не раз за любимую Родину кровь
грудь солдата в бою обаграла.*

Поцелуй на бегу, крик «Люблю!» на лету.
На перроне звучанье оркестра.
Сердце помнит распахнутых глаз красоту,
сердце помнит и время, и место.

Уносился под пули — любви эшелон.
И гудок становился всё тише.
Каждый силой любви был на бой обречён
и не знал, что бессмертием дышит...

Письмо второе (дочери)

*Я писал свою книгу со смутной надеждой,
что внук
много раз удивится, проникнув
в пространство страницы.
Ты её сохрани от нечистых, предательских рук,
и тогда я смогу, всякий раз, среди вас появиться.*

*А сегодня я шёл по дворам, где когда-то играли,
где звучали бессмертных героев из книг имена,
где мы, вместе сражаясь, коварных врагов
побеждали,
где выросла с героями детства родная страна.*

*Я увидел героев своих, но уж лучше бы мимо
мне пройти, не заметив гирлянды
намокиших страниц...
И на память пришло низвержение гордого Рима,
потерявшего силу в объятьях менял и блудниц.*

*На помойке — огромной, богатой помойке
порока,
где полно пропитанья для грустных бомжей
и собак,
я увидел тома для души незабвенного Блока
среди жирных объедков, как нации
спущенный флаг...*

Нас повыбило время, всегда всех врагов
побеждавших
на своих золотых незакатного детства дворах
и родную страну от нашествия варваров спасших,
но не спасших её от нахлынувших лакомых благ.

Книгу ты сохрани. В ней потомкам
напечатавшие строки,
среди «вечного боя» на хрупкой «планете людей».
Я не знаю когда, но всему исполняются сроки.
Время снова торопит ретивых своих лошадей...

Эту связь — мы теряем, ещё не уйдя.
Словом искренним были едины.
Речью сердца украсив тщету бытия,
отличались от умной машины.

Нынче будто с рожденья намечен закат.
Юность смотрится в бездну смартфона.
Закрывает глаза — видит чёрный квадрат,
распахнёт — виртуального клона.

Развели поколения русских людей
дорогие прогресса игрушки.
Метко лупят в открытые души детей
электронные игры, как пушки...

Письмо третье (другу и миру)

«Ты похож на посмертную маску поэта», —
сообщил мне мой друг в беспокойном письме.
Отчего так жестоко житейские меты
свет распахнутых глаз растворяют во тьме?

Да, похож. Но, пока ещё точно — не вечер.
Просто, жизнь заплутала, не только моя.
Целый мир обречённостью рая отмечен,
в нём душа человечья — сама не своя.

*Ей всё горше среди непонятного бала,
среди жадных, бездушных придатков машин.
Нет, трясина бессмертную не засосала,
но остались мы с нею один на один.*

*К жизни путь — обесточен, не ядерным взрывом,
а стихией разнузданных временем бед.
Мир уходит в жестокие нервные срывы,
рай уходит — туда, где нас нет...*

*Нам не жить без однажды сошедшего света.
Если б раньше такое о жизни знатьё!
Я гляжу на посмертную маску поэта.
Да, похожи. Ты так же похож на неё...*

Вот и кончились строки — три кратких письма,
что писались меж дел, в перерывах.
Да на полках остались пылиться слова,
что не сжѐг в лапах нервного срыва.

Есть надежда? А может, и нету её,
просто, сил на огонь не хватило.
Может, взором окинув пустое жильё,
их оставил как спящую силу.

Да, слова-полова, но сойдясь в переплѣт
под водительством воли поэта,
обрели они тайну магических нот
из симфонии лунного света.

Им теперь надо ждать, когда чья-то рука
пыль сметѣт и откроет страницу;
когда в знаках ушедшая жизнь оживѣт,
и воскреснут забытые лица.

И воскреснет посланник средь слов и людей,
его сердцем горячим отлитых,
среди званых, а может, незваных гостей,
сдвинув времени тяжкие плиты...

СОДЕРЖАНИЕ

«По букве, по слову...»	7
«Меня не выпускает дождь...»	8
«Мир — загадочный...»	9
«Людям стало мало...»	10
«А дом остыл...»	11
«Куда спешишь ты, муравей?..»	12
Русские зёрна	13
Лоша	14
«Окна светят отражённым светом...»	16
«Снился мне Император...»	17
«Закрою кингстоны в душе...»	18
Поцелуй на морозе	19
«Остались на свете...»	20
«Что такое Интернет?..»	21
«Из грязи не стоит...»	22
Две судьбы	23
Восадули	24
Молоток	25
На огороде	26
«К Пасхе...»	27
«Последний день...»	28
«Затеплим свечку...»	29
«Приснилась запредельная...»	30
«Здесь ощущение...»	31
Ленин	32
Стакан времени	33
«Есть величие...»	34
«Докаркались...»	35
«И вольно, и больно...»	36
Яма	37
«Тебя побьют камнями...»	39
«В осень летит...»	40
«Судьбой измятая старушка...»	41
«Боже, сделай её счастливой!..»	42
«Не хочет женщина взростеть...»	43
Девицы	44

«Заглох, как трактор...»	45
Голубок	46
Черёмуха	47
«Живём без солнца...»	48
«Наконец-то тепло...»	49
«Ехал всадник...»	50
Пылинка	51
«В маленьком-маленьком гнёздышке...»	52
«Ты убил!..» — закричала она...»	53
«Как летом мухи по утрам...»	54
Армии Украины	55
Хмельной отряд	56
«В Брунее — пальмы...»	58
«Гурьбою высыпали грузди...»	59
«Неужели грязь и лужи...»	60
«Скоро январь нам...»	61
СНЕЖНЫЙ ТРИПТИХ	
1. «А первый снег...»	62
2. «Последний снег...»	63
3. «Снег первый и снег последний...»	64
«Грибы — ломают...»	65
Тропа	66
Ртуть	67
Песня невесты об отчине и женихе	68
Концепт	69
Свечи	70
Колокольчик	71
«Перо убитой...»	72
Сотрудник ЧК (<i>песенка для кинофильма</i>)	73
«Многое помнится...»	74
Корабль и крысы	75
«Никто из них...»	76
Мандаты	77
«У них во всём...»	78
Тост	79
Юрин самогон	80
Астральная связь	81
Акростих	82
«Завыва-ва-ва-ва-ва-ет...»	83
«В гостях я...»	85

Знобящее счастье	86
«Пока ещё ты...»	87
«Мы все ветром жизни...»	88
«Тишина. Никто не вспомнил...»	89
Старые письма	90
«Захожу к себе...»	92
«Я бродил по апрельскому лесу...»	93
Забывтая дорога	94
«Срываю душистые...»	95
«Что-то с природой земною...»	96
«С разволнованными лицами...»	97
«Не только от птичьего пенья...»	98
«Под этими елями...»	99
«Я опять в колее повторимой...»	100
«Сколько раз...»	101
«Усталость моя...»	102

СНЕГ ЛЮБВИ *(стихотворный цикл)*

1. Гребешок	105
2. Мама, слышишь...	108
3. Старая песенка	110
4. Дым	112
5. В лесу	114
6. Снег любви	119

СТАРИК <i>(поэма)</i>	121
-----------------------------	-----

[180р.]

Литературно-художественное издание

Максин Юрий Михайлович

ПОЗДНИЕ ЗЁРНА

Стихотворения и поэма

Подписано в печать 1.11.2018. Формат 80×100/₃₂.
Усл. печ. л. 6,1. Тираж 300 экз. Заказ 1521.

ООО ПФ «Полиграф-Периодика».
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.
Тел. (8172) 72-61-75. E-mail: price@pfpoligrafist.com

ВОЛОГДА
2018

